

USA & Canada: Economics – Politics – Culture. 2013-2024

ISSN 2686-6730

URL - <http://usacanada.jes.su>

All right reserved

Issue 8 Volume . 2022

Strategic Imperatives of India: from the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again

Alexey V. Kupriyanov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
RAS*

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article analyzes the change in India's policy towards the Indian Ocean and Indo-Pacific regions. The author describes how the perception of the sea by the Indian elites developed, and highlights the factors that contributed to the invention of the concept of Indo-Pacific by Indian experts. The Indian leadership's approach to the Indo-Pacific is now changing as they abandon ambitious security projects beyond the Malayan Barrier while maintaining a cultural and humanitarian presence in the Greater Indo-Pacific.

Keywords list (en): India, Indian Ocean, Indo-Pacific

Date of publication: 06.09.2022

Citation link:

Kupriyanov A. Strategic Imperatives of India: from the Indian Ocean to the Indo-Pacific and Back Again // USA & Canada: Economics – Politics – Culture. – 2022. – Issue 8 C. 75-89 . URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300021892-1-1/>. DOI: 10.31857/S2686673022080065

1

ВВЕДЕНИЕ

2

Название концепции «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) за последние годы прочно вошло в лексикон политиков и экономистов стран, расположенных в

регионах Индийского и Тихого океанов. Оно стало предметом оживлённых дискуссий среди учёных-международников, анализирующих речи лидеров государств и высокопоставленных чиновников, многочисленные стратегии и «видения» и пытающихся выяснить, что именно в том или ином конкретном случае имеет в виду политик, упоминаящий Индо-Тихоокеанский регион.

³ Одним из важных результатов этих дискуссий стало осознание неоднозначности представления о концепции ИТР даже среди политических элит государств, находящихся в союзнических или партнёрских связях и разделяющих опасения в отношении вызовов безопасности со стороны третьих игроков. Так, взгляды на границы и само содержание концепции ИТР внутри научного, экспертного и политического сообществ США, Австралии, Японии и Индии заметно различаются, хотя все четыре страны являются членами Четвёрки – Четырёхстороннего диалога по безопасности (*QUAD*).

⁴ Особенно ярко это различие видно, когда речь заходит об Индии и России: несмотря на то что между сторонами существуют отношения особо привилегированного стратегического партнёрства, российская элита критикует саму идею ИТР, в то время как в индийском политическом дискурсе она предстаёт в качестве ключевого элемента долговременной внешнеполитической стратегии Нью-Дели. Такое взаимное непонимание регулярно приводит к казусам, которых можно было бы избежать, если бы Москва более тонко и с учётом всех нюансов подходила к оценке индийского видения ИТР и учитывала разницу в её трактовке в Нью-Дели, Токио, Вашингтоне и Канберре.

⁵ Понимание императивов, которыми руководствуются индийские элиты в отношении ИТР, тем более важно, что сама концепция зародилась именно в Индии, и для Нью-Дели она играет примерно ту же роль, что «Глобальная Британия» для Лондона или Большое Евразийское партнёрство для Москвы: помогает сформировать базу для расширения своего политического, культурного, экономического и военного влияния, апеллируя к реальным или воображаемым историческим связям. При этом само представление об ИТР в индийских политических элитах и экспертных кругах динамически трансформируется в зависимости от задач, которые ставит перед собой Нью-Дели, арсенала средств, которые могут быть привлечены для их реализации, и меняющейся конъюнктуры на мировой политической арене.

⁶ Примером такой трансформации является наметившееся в последние месяцы смещение фокуса индийской внешнеполитической активности опять в регион Индийского океана. Индо-Тихоокеанский регион при этом остаётся ключевым элементом индийского внешнеполитического дискурса, но происходит неявная внутренняя дифференциация: региону Индийского океана отводится роль сферы безопасности, в то время как на остальном пространстве ИТР Индия разыгрывает экономическую и культурно-историческую карты, не пытаясь добиться военного доминирования. Эта рефокусировка стала результатом как серьёзных перемен во внутренней политике и экономике Индии, так и изменений на мировой политической сцене в течение последних лет.

8 В европейской историографии индуистская цивилизация традиционно рассматривается как преимущественно континентальная, что отличает её от мусульманской, европейской и ряда других восточных цивилизаций. Этот подход сложился ещё во второй половине XIX – первой половине XX века и отражает представления более чем вековой давности, базирующиеся на специфическом опыте, накопленном европейцами за время взаимодействия с индуистской цивилизацией. Португальские мореплаватели, прибывшие в регион Индийского океана, не застали южноиндийские талассократии, зато столкнулись с конкуренцией на море со стороны арабских торговых сетей и Османской империи. Именно этот опыт, дополненный голландцами, французами и британцами, определил восприятие индуистской цивилизации в Европе. Индуистскую составляющую упомянутых морских сетей европейцы просто не заметили, а последующие попытки маратхов и других прибрежных социумов оспорить европейское доминирование на локальном уровне воспринимались ими как пиратство. В результате в Европе сложилось представление об индуистах как о людях, опасаящихся путешествий через морские пространства («кала пани», «черную воду») во исполнение правил, сформулированных в дхарма-шастрах, а активное присутствие индусов в социальном морском пространстве в виде торговцев и моряков-лазаров воспринималось как результат европейского влияния. Этот узкий взгляд в последние десятилетия подвергался критике со стороны как новой волны западных, так и индийских, и российских учёных, указывавших на давнюю индийскую традицию мореплавания [Ванина Е.Ю. 2015]; [Sidharan K.A. 1982]; [McPherson K. 1993].

9 Ещё во времена Хараппской цивилизации мореходы Индостана вели активную морскую торговлю с Шумером: Хараппа поставляла в Междуречье древесину. После возникновения и подъёма Персидской империи и включения в общий торговый ареал полисов и народов Восточного Средиземноморья, а затем и завоеваний Александра Македонского, образовалось единое морское торговое пространство – от портовых городов Южного Китая до побережья Греции. Распад империи Александра не помешал развитию торговых связей, а последовавшее создание и расцвет Римской империи способствовали укреплению торговых связей Востока и Запада. Индия, будучи не только важным транзитным пунктом, но самостоятельным производителем пряностей и предметов роскоши, процветала. Распад Римской империи вынудил политику Индостана переориентировать направление экспансии в сторону восточной части Индийского океана, однако появление и быстрое развитие арабских торговых сетей в западной части региона привело к восстановлению единого торгового пространства. При этом мореплаватели региона не воспринимали океан как пространство войны: хотя пиратские атаки, за которыми следовали карательные экспедиции, были обычным делом, сама концепция борьбы за морские пути была жителям Индостана чужда [Steinberg Ph.E. 2001: 41-52]. Эта ситуация начала меняться лишь с приходом европейцев и османов, которые превратили Индийский океан в пространство войны.

10 Следующая трансформация морского регионального пространства была связана с эпохой борьбы колониальных держав за доминирование в регионе Индийского океана. Из этой борьбы победителями вышли британцы, которые

благодаря союзу с Великими Моголами и обитателями Синда, а также помощи португальцев, сумели справиться с оспаривавшими их господство маратхами, попытавшимися создать морскую империю [Singh K. 1974]. Широкое внедрение парового двигателя и железного судостроения в XIX веке одновременно с установлением глобального доминирования западных держав привели к переделу карты мира, коренным изменениям в самой структуре морской торговли и морской войны. Это, в свою очередь, повлекло за собой массовые миграции рабочей силы из Индии, что привело к формированию крупной индийской диаспоры в регионе [Bose S.A. 2006].

¹¹ Специфика положения Индии в этот период определялась тем, что она была не колонией в строгом смысле этого слова, а скорее субимперией в составе Британской империи: её элиты, хотя и состояли из выходцев из метрополии и их потомков, пытались в целом следовать интересам Индии в том смысле, в котором они их понимали, и их видение этих интересов далеко не всегда совпадало с видением Лондона. Индия воспринималась как отдельная страна, находящаяся под контролем Британии. Она имела собственные вооружённые силы и свой флот, сравнительно небольшой и выполнявший преимущественно вспомогательные функции типа обеспечения десантов и антипиратских операций. Однако основную задачу по обеспечению безопасности морских рубежей Британской Индии играл британский флот. Как следствие, стратегия Индии как субимперии в рамках общей имперской стратегии Великобритании подразумевала оборону сухопутной северной границы против возможного вторжения русских и китайских войск, причём первый сценарий представлялся гораздо более вероятным [Yarr M.A. 1987].

¹² После обретения Индией независимости в 1947 г. её политическое и военное руководство всерьёз задумалось о морской экспансии и установлении контроля над всем регионом Индийского океана, для чего необходимо было сформировать «стальное кольцо» по его границам [Panikkar K.M. 1945]; [Vaidya K.V.1949]. Индии, таким образом, отводилась роль младшего союзника Британии, которая должна была помочь бывшей колонии, передав ей корабли и базы. Однако, как в силу неспособности индийской экономики осуществить масштабную программу строительства и поддержания мощных ВМС, так и из-за стремления премьер-министра Джавахарлала Неру проводить независимую внешнюю политику, эта идея потерпела крах. Британия переориентировалась на Пакистан (попытавшись, впрочем, в 1972 г. вернуться к партнёрству с Индией [Vivekanandan V. 1974]), а Индия вступила во Вторую Индо-Пакистанскую войну с практически небоеспособным флотом, который не смог отразить набеговую операцию ВМС Пакистана. По итогам войны индийское руководство обратило особое внимание на вопросы укрепления морской обороны; в их решении Нью-Дели помогла Москва, предоставившая индийцам большое количество современного оружия и организовавшая курсы для индийских моряков. В 1971 г. Индия взяла реванш: Пакистан потерпел поражение и был расчленён на собственно Пакистан и Бангладеш.

¹³ Индия стала доминирующим местным игроком в регионе. Хотя её военно-морская мощь уступала американской или советской, но превосходила ВМС всех других региональных игроков вместе взятых. Умелое политическое

маневрирование между враждующими блоками помогло индийскому руководству решить основную задачу: поддерживать выгодный для себя статус-кво в регионе и при этом по возможности при поддержке других региональных держав держать внешних игроков как можно дальше от Индийского океана [Singh K. 1978]; [Braun Д. 1983]. Эта политика получила в западных СМИ название «доктрина Индиры»/«индийская доктрина Монро». Так как Индоокеанский ТВД был в годы холодной войны глубоко второстепенным (во многом благодаря удалённости от советских и американских баз и малому присутствию в регионе ВМФ СССР [Kaushik Д. 1972]), Индии в целом удалось добиться поставленных задач. Типичным примером реализации «доктрины Индиры» можно считать операцию «Кактус» – интервенцию Индии на Мальдивах в 1988 г., в результате которой удалось пресечь попытку государственного переворота.

¹⁴ В 1990-е годы, после окончания холодной войны, оформление региона Индийского океана как сферы индийского контроля продолжалось. В начале XXI века в индийском политикуме была сформулирована так называемая концепция трёх кругов, или трёх мандал, – непосредственного соседства, расширенного соседства и остального мира. Вся северо-восточная часть Индийского океана попадала в зону непосредственного соседства, в то время как остальная часть океана оказывалась в зоне расширенного соседства. В это же время в экспертных кругах Индии в ответ на политический запрос возникла концепция Индо-Тихоокеанского региона.

¹⁵

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

¹⁶ Созданию новой геополитической концепции способствовал ряд факторов.

¹⁷ 1. *По итогам холодной войны в регионе образовался вакуум силы.* В годы биполярного противостояния великие державы, хотя и не уделяли Индийскому океану первостепенного внимания, осуществляли достаточное военно-морское присутствие для того, чтобы обеспечивать безопасность мореплавания и в первую очередь транспортировки углеводородов из стран Персидского залива, проводили антипиратские операции, траление опасных вод и прикрытие транспортов. После окончания холодной войны Россия свернула присутствие в регионе, а США, претендующие на роль гегемона, сконцентрировались на идеологической и финансовой экспансии и борьбе с государствами-«изгоями». Это привело к оживлению чёрного рынка и бурной теневой глобализации в регионе с опорой на традиционные экономические инструменты, включая пиратство и незаконную торговлю. Заполнение этого вакуума силы, появление в регионе игрока, который обеспечивал бы безопасность морских путей в регионе, было бы положительно воспринято подавляющим большинством мировых держав, готовых смириться с оформлением сферы влияния Индии. Для Нью-Дели создание такой сферы могло стать важным шагом на пути к признанию за Индией статуса великой державы.

¹⁸

2. *Произошли качественные изменения в распределении ресурсов в мировой экономике и политике.* Китай, бывший до недавнего прошлого развивающейся экономикой, превратился в полноценную фабрику мира, и маршрут из Китая в

Европу вновь стал основной мировой торговой артерией. Рост экономического могущества Китая сопровождался ростом его политических амбиций, претензий на особую роль в Восточной и Юго-Восточной Азии, расширением сферы влияния. Китайский бизнес при поддержке государства начал активно проникать в страны Юго-Восточной Азии, южной части Тихого и Индийского океана. Это вызвало тревогу у политических элит Индии, обеспокоенных возможным доминированием КНР в Азии и в сфере индийских интересов в том числе, и побудило их к поиску контрмер. Естественным партнёром в этой ситуации выглядели, помимо Японии, США. Несмотря на проблемные 1990-е годы, когда правительство У. Клинтона не сумело наладить с Индией взаимовыгодные отношения, а администрация Дж. Буша-старшего даже ввела против неё санкции после ядерных испытаний 1998 г., постепенно начался процесс американо-индийского сближения – сначала под влиянием совместных интересов в сфере противодействия исламскому терроризму в Азии, а затем и на почве обеспокоенности ростом китайской мощи. Параллельно Индия в рамках политики «смотри на Восток» развивала отношения со странами АСЕАН, рассматривая их как источник инвестиций и технологий, и с ближайшими соседями в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC) и Инициативы стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC), стремясь создать своего рода сферу процветания в масштабах Южной Азии и стран Бенгальского залива [Brewster D. 2014].

¹⁹ 3. Наконец, кардинально изменилась сама Индия. Реформы, проведённые в 1990х годах правительством Нарасимхи Рао, спустя десятилетие привели к быстрому росту индийской экономики. В середине первой декады XXI века темпы роста ВВП Индии достигли 9,8%. У индийских элит возникла иллюзия, что этот рост будет продолжаться в течение ближайших десятилетий и сможет обеспечить постоянное повышение расходов на оборону.

²⁰ Три этих фактора способствовали концептуальному оформлению претензий на изменившуюся роль Индии в регионе. В 2006–2007 гг. индийские эксперты и морские офицеры Премвир Дас и Гурприт Кхурана предложили концепцию «Индо-Тихоокеанского региона (сам по себе термин появился ещё в середине XIX века, но благодаря П. Дасу и Г. Кхуране обрёл новое звучание) [Das P. 2006]; [Khurana G. 2007]. Эта концепция подразумевала, что Индия в силу своего географического положения обладает возможностью неявно воздействовать на стратегию и внешнюю политику государств Восточной Азии: поскольку основные маршруты поставок углеводородов в этот субрегион проходят возле индийских берегов, то Индия, даже не применяя силу, может вынудить восточноазиатские страны проводить выгодную для неё политику. Хотя в статьях и выступлениях П. Даса и Г. Кхураны речь шла исключительно о том, что при помощи контроля за линией снабжения Индия может обеспечить безопасность поставок нефти и газа в Японию, явно подразумевалось, что основным субъектом такого имплицитного воздействия должен стать Китай. Эту мысль верно уловило японское руководство: тогдашний премьер-министр Японии Синдзо Абэ в выступлении перед парламентом Индии в августе 2007 г. провозгласил концепцию «слияния двух океанов» [1]. Спустя пять лет она вошла в лексикон индийских официальных лиц [Scott D. 2019], привлекла внимание американских экспертов и стала

концептуальной основой для разработки «Индо-Тихоокеанской стратегии США» – краеугольного камня нынешней американской политики на Тихом и Индийском океанах [2]. Помимо США, концепция получила широкое распространение и в других странах региона.

²¹ В самой Индии в течение этих лет видение Индо-Тихоокеанского региона пережило серьёзную трансформацию. Из конструкции, выстроенной вокруг проблем безопасности, оно превратилось в широкую культурно-философскую концепцию, призванную обосновать экономическое, политическое и культурное доминирование Индии в регионе Индийского океана и экспансию в пространство Тихого океана, не налагая при этом на Нью-Дели никаких обязательств [Doyle T., Rumley D. 2019]; [Chacko P. 2016].

²² Эта трансформация заняла около полутора десятков лет, причём периоды активности Индии в одной части субрегиона сменялись пассивной политикой, а отступление на одном направлении нередко сопровождалось усилением активности на другом (к примеру, уменьшение индийской активности в Южно-Китайском море сопровождалось наращиванием присутствия в южной части Тихого океана). Сейчас можно констатировать, что Индия в определённой степени сворачивает внешнеполитическую активность за пределами региона Индийского океана.

²³

ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

²⁴ Причины этой концептуальной трансформации, как представляется, заключаются в следующем.

²⁵ 1. Прежде всего, индийские элиты, невзирая на недовольство наращиванием внешнеполитической активности КНР, не готовы втягивать страну в реальную конфронтацию с Китаем, тем более на отдалённом ТВД и в интересах других стран. Речь идёт главным образом о Южно-Китайском море, где Индия могла бы теоретически оказать поддержку стратегическим партнёрам, подкрепив своим флотом их притязания на спорные острова и окружающие их акватории.

²⁶ С самого момента обретения независимости императивом для индийского руководства остаются приоритет интересов Индии и категорическая неготовность ставить индийскую внешнюю политику в зависимость от интересов других игроков. Конфликт с КНР в пользу малых стран ЮВА представляется индийским политическим элитам бессмысленным. Помимо этого, индийский флот в настоящий момент значительно слабее китайского; он может до некоторой степени надеяться на победу лишь в том случае, если конфронтация с китайскими силами произойдёт на заранее подготовленной позиции. В индийских стратегических планах эту роль играет Андаманский оборонительный район позиция, отрезающий Андаманское море от Бенгальского залива и блокирующий развёртывание любого неприятельского флота, сумевшего форсировать Малаккский пролив [Baruah D., Mohan S. 2019]. С опорой на него индийский флот будет сражаться в максимально выгодных условиях при поддержке береговых ракетных комплексов и базовой авиации, в то время как условному противнику (в данном случае КНР) надо будет

протягивать линию снабжения через Южно-Китайское море, омывающее берега потенциально враждебных стран, и через узость Малаккского пролива. Если же ВМС Индии придётся принять бой в Южно-Китайском море, они лишатся всех своих преимуществ и будут быстро разгромлены. Хотя к 2030 г. значение Андаманской позиции, как ожидается, уменьшится в связи с ростом численности ВМС Индии, но расстановка сил на доске останется той же: индийский флот сможет с определёнными шансами на успех противостоять китайскому в Индийском океане [Menon R. 2018], но будет гораздо слабее его в акватории ЮКМ.

²⁷ Во-вторых, события, последовавшие за пограничным конфликтом в долине реки Галван в июне 2020 г., продемонстрировали ошибочность самой идеи об имплицитном воздействии индийской угрозы китайской морской торговле на внешнюю политику КНР и тем самым поставили под вопрос концептуальную основу ИТР в понимании Г. Кхураны и П. Даса. После столкновения в долине Галвана основные силы ВМС Индии вышли в океан, продемонстрировав возможность блокирования китайских торговых путей, и даже отправили корабль в ЮКМ, чтобы подкрепить эту демонстрацию [3]. Логика Г. Кхураны и П. Даса предполагала, что в ответ на это власти КНР, видя угрозу торговому судоходству, либо откажутся от дальнейшей эскалации, либо вынуждены будут отправить флот в Индийский океан, где он окажется в невыгодном положении. Но КНР никак не отреагировала на действия ВМС Индии, и теперь уже Нью-Дели оказался перед выбором: или воплотить угрозу в жизнь, прервав китайскую торговую линию, что неизбежно вело к дальнейшей эскалации, либо воздержаться от активных действий, тем самым фактически признав, что индийское руководство не готово идти дальше демонстрации силы и всерьёз не рассматривает возможность её применения. Правительство Нарендры Моди выбрало второй вариант. В результате острая фаза конфронтации в долине Галвана завершилась спустя несколько месяцев, когда стороны сели за стол переговоров. Хотя индийские СМИ со ссылкой на источники в руководстве ВМС сообщали, что именно демонстрационные действия флота вынудили китайцев отказаться от дальнейшей эскалации [4], никаких подтверждений этому нет. Очевидно, что заложенная в основу изначальной концепции ИТР как система безопасности идея имплицитного сдерживания не сработала.

²⁸ В-третьих, Индия столкнулась с серьёзными проблемами в южной части Тихого океана. В 2020 г. Нью-Дели начал там осторожную экспансию, для координации которой было создано специальное направление в рамках МИД [5]. Индийское руководство рассчитывало на формирование «треугольника» Париж – Нью-Дели – Канберра. Франция, которой принадлежит ряд островных территорий и значительные акватории в регионе, имеющие стратегическое значение, в последние годы укрепляла отношения с Индией – перспективным партнёром, не имеющим к Франции исторических претензий [6]. Второй потенциальный партнёр, Австралия, также активно развивал связи с Индией как на двусторонней, так и на многосторонней основе (в частности, в формате Четвёрки); Канберра в целом положительно относилась к наращиванию индийского присутствия в южной части Тихого океана, видя в нём противовес росту китайского влияния в регионе. Развивалось сотрудничество и между Австралией и Францией как по военно-технической (в 2016 г. Канберра подписала контракт с французской

«Наваль групп» (*Naval group*) на строительство 12 подлодок общей стоимостью 66 млрд долл.), так и по политической линии (совместные действия во время кризиса на Форуме тихоокеанских островов в феврале 2021 г.) [7]. Стремление Австралии к проведению независимой линии, наличие у неё собственной региональной интеграционной инициативы (*Pacific Step-up*) позволяли надеяться, что она будет действовать в регионе как независимый игрок, в целом дружественный Индии и стремящийся сохранять сложный баланс между Индией, Францией, США и другими игроками.

²⁹ Однако в сентябре 2021 г. австралийское руководство кардинально изменило политический курс, вступив в состав нового блока АУКУС с участием США и Великобритании. Вместо участия в неформальном блоке с Индией и Францией Канберра сделала выбор в пользу прямого противостояния с Китаем под американским «зонтиком», согласившись фактически на статус младшего партнёра Великобритании и США. Это привело к росту напряжённости в отношениях Франции и Австралии, что сделало невозможным формирование «треугольника» Франция – Индия – Австралия, и вынудило Индию, до того рассматривавшую Австралию как самостоятельного игрока, скорректировать свои планы.

³⁰ Но ключевым фактором, очевидно, стало нарастание проблем в индийской экономике. После финансового кризиса 2008 г. и периода восстановительного роста началось снижение темпов роста ВВП Индии. Этот тренд вызвал беспокойство в индийских политических и экономических кругах, привыкших увязывать повышение внешнеполитического статуса с темпами экономического роста. Сначала в проблемах обвиняли неудачную политику правительства Манмохана Сингха, затем ошибки правительства «Бхаратия Джаната парти», затем пандемию *COVID-19*. Но, по всей видимости, дело в том, что модель роста ВВП, в которой главным драйвером выступает сектор услуг, заложенная ещё при Н. Рао в 1990-х годах, себя исчерпала. Нынешняя политика премьер-министра Н. Моди нацелена на то, чтобы переломить эту тенденцию и обеспечить ускоренное развитие и реструктуризацию индийской экономики; она подразумевает массовую профессиональную переподготовку людей старших возрастов, кардинальные изменения самой экономической структуры, планирования и системы подготовки кадров для того, чтобы обеспечить возможность для релокации западных фирм из КНР в Индию. Эти масштабные социальные реформы требуют колоссальных вложений, ставя по сомнению возможность проведения экспансии за пределами региона Индийского океана.

³¹

«КРЕПОСТЬ ИНДИЯ»

³² Ещё до начала украинского кризиса указанные выше факторы привели к постепенному сворачиванию индийской экспансии за пределами региона Индийского океана. Сама по себе концепция Индо-Тихоокеанского региона сохранилась в качестве основы индийского внешнеполитического дискурса, но ключевые практические усилия прикладываются в настоящее время к оформлению в регионе Индийского океана сферы безопасности, тогда как западной части Тихого океана отводится роль своего рода предполья, где Индия

действует преимущественно пассивно, поддерживая инициативы своих ключевых партнёров – стран АСЕАН и Австралии.

³³ Эта смена вектора выражается, в частности, в том, что Индия заметно активизировала политику в западной части Индийского океана, которой Нью-Дели традиционно уделял сравнительно мало внимания. Укрепляются двусторонние экономические, политические и военные связи со странами Персидского залива. В 2021 г. началось формирование нового неформального блока, который в индийской прессе уже назвали «Четвёрка-2» (*QUAD-2*): он призван объединить ресурсы и технологии Индии, США, ОАЭ и Израиля, став драйвером регионального развития [8].

³⁴ Важным индикатором являются изменения в индийской кораблестроительной программе. Индийское руководство дало понять, что намерено отказаться от строительства третьего авианосца, предложив военным вместо этого сделать акцент на строительстве подводных лодок [9]. Начальник Штаба обороны ВС Индии генерал Бипин Рават объяснил такое решение бюджетными ограничениями. Несмотря на постоянное лоббирование военно-морскими элитами Индии строительства третьего авианосца и гибель генерала Равата, основного противника этой программы, в авиакатастрофе в декабре 2021 г., перспективы представляются сомнительными: восстановление экономики после пандемии накладывает серьёзные ограничения на военные программы. Стоит обратить внимание и на сугубо военный аспект: если авианосец является средством завоевания и удержания контроля над морем и хорошо подходит для демонстрации флага в отдалении от баз, то подлодки рассматриваются в основном как инструмент создания зоны запрещения доступа и манёвра. В целом эти изменения с вероятностью свидетельствуют о том, что Индия намерена сконцентрироваться на создании оборонительного периметра по границам региона Индийского океана – своего рода «Крепости Индия».

³⁵

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

³⁶ В течение десятилетий руководство независимой Индии пыталось выстроить вокруг страны сферу безопасности, граница которой проходила бы по рубежам региона Индийского океана. Окончание холодной войны и бурный экономический рост побудили индийские политические элиты задуматься о расширении контура безопасности и включении в него западной части Тихого океана, однако по ряду политических и экономических причин Нью-Дели постепенно возвращается к привычному индоокеанскому формату.

³⁷ Начавшийся в 2022 г. украинский кризис может ускорить этот процесс. Москва, особо привилегированный партнёр Нью-Дели, лишилась прямого доступа к западным рынкам, технологиям и инвестициям. В этих условиях Индия превращается в транзитного поставщика, через которого Россия может получить столь необходимые ей западные технологии, ресурсы и деньги. Индийское руководство, в свою очередь, рассчитывает, что Россия, лишившись западных рынков и связей, будет гораздо уступчивее в вопросах передачи технологий и предоставления доступа к своему рынку для индийских товаров. Украинский

кризис, таким образом, предоставляет индийской экономике шанс на выход из стагнации. Если руководство Индии сумеет и дальше балансировать между Москвой и западными странами, используя выгоды сотрудничества с обоими лагерями, то экономика страны получит удвоенный импульс для развития.

³⁸ В складывающейся ситуации Индия теряет интерес к экспансии: в условиях нестабильности на мировом политическом и экономическом поле для неё выгоднее замкнуться в своей сфере влияния, нормализовать отношения с соседями в той мере, в какой это будет соответствовать её интересам, и сосредоточиться на экономическом развитии, пользуясь уникальной позицией великой державы, поддерживающей хорошие отношения как с враждующими лагерями новой холодной войны, так и со средними и малыми игроками.

References:

1. "Confluence of the Two Seas". Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 22.08.2007. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed 29.05.2022).
2. Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. 02.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 30.05.2022).
3. Post-Galwan clash, Indian Navy quietly deployed warship in South China Sea. The Times of India. 30.08.2020. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/post-galwan-clash-indian-navy-quietly-deployed-warship-in-south-china-sea/articleshow/77834259.cms> (accessed 17.05.2022).
4. Indian Navy's deployment impacted post-Galwan border talks with China: Vice Admiral Singh. The Hindu. 03.12.2022. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/indian-navys-deployment-impacted-post-galwan-border-talks-with-china-vice-admiral-singh/article37826313.ece> (accessed 15.05.2022).
5. Bagchi I. With eye on China, MEA brings Indo-Pacific, Asean policies unit. The Times of India. 29.09.2020. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/with-eye-on-china-mea-brings-indo-pacific-asean-policies-under-one-unit/articleshow/78374295.cms> (accessed 31.05.2022).
6. Zakharov A. Indiya i Frantsiya: soyuz solntsa i okeana. RSMD. 30.03.2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/brics/indiya-i-frantsiya-soyuz-solntsa-i-okeana/> (accessed 31.05.2022).
7. Paskal C. How the Pacific Islands Forum Fell Apart. The Diplomat. 10.02.2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/02/how-the-pacific-islands-forum-fell-apart/> (accessed 30.05.2022).

8. Bagchi I. India, U.S., Israel & UAE coming together to form a 2nd Quad? The Times of India. 18.10.2021. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-us-israel-uae-coming-together-to-form-a-2nd-quad/articleshow/87095072.cms> (accessed 03.06.2022).
9. Navy May Have To Wait For Third Aircraft Carrier: General Bipin Rawat. NDTV. 17.02.2020. Available at: <https://www.ndtv.com/india-news/genera-bipin-rawat-says-navy-may-have-to-wait-for-third-aircraft-carrier-2181629> (accessed 03.06.2022).
10. Vanina E.Yu. 2015. Iz istorii indijskoj navigatsii: geografiya moreplavaniya i mifografiya zapretov. Pod nebom Yuzhnoj Azii. Dvizhenie i prostranstvo: paradigma mobil'nosti i poiski smyslov za predelami statichnosti. M., Nauka – Vostochnaya literatura. 911 s.
11. Baruah D.B., Mohan C.R. 2019. The Emerging Dynamics of Sino-Indian Rivalry in the Bay of Bengal. India-China Maritime Competition: The Security Dilemma at Sea. Ed. by R. Basrus, A. Mukherjee, T.V. Paul. London, New York: Routledge. P. 88-110.
12. Bose S.A. 2006. Hundred Horizons: The Indian Ocean in the Age of Global Empire. Cambridge, London: Harvard University Press. 333 p.
13. Braun D. 1983. The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Zone of Peace'? London: C. Hurst & Company. 228 p.
14. Brewster D. 2014. India's Ocean: The story of India's bid for regional leadership. Routledge: London, New York. 228 p.
15. Chacko P. 2016. India and the Indo-Pacific from Singh to Modi: Geopolitical and Geoeconomic Entanglements. New Regional Geopolitics in the Indo-Pacific: Drivers, dynamics and consequences. Ed. by P. Chacko. New York: Routledge. P. 43-59.
16. Das P.S. 2006. Maritime Violence in the Indian Ocean—Challenges and Responses. Indo-Japan Dialogue on Ocean Security. Ocean Policy Research Foundation, October 13, 2006. P. 108-121. Available at: https://www.spf.org/en/_opri_media/publication/pdf/200703_061105_02.pdf (accessed 12.05.2022).
17. Doyle T., Rumley D. 2019. The Rise & Return of the Indo-Pacific. Oxford: Oxford University Press. 223 p.
18. Kaushik D. 1972. The Indian Ocean: Towards a Peace Zone. Delhi: Vikas Publications. 225 p.
19. Khurana G. S. 2007. Security of Sea Lines: Prospects for India — Japan Cooperation. Strategic Analysis. Vol. 31, no. 1. P. 139—153. DOI: 10.1080/09700160701355485
20. Panikkar K.M. 1945. India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History. New York: Macmillan Company. 99 p.

21. Sidharan K.A. 1982. Maritime History of India. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting. 463 p.
22. McPherson K. 1993. The Indian Ocean: A History of People and the Sea. Oxford: Oxford University Press. 327 p.
23. Menon R. 2018. Scenarios for China's Naval Deployment in the Indian Ocean and India's Naval Response. India and China at Sea. New Delhi: Oxford University Press, 2018. Pp. 125-136.
24. Scott D. 2019. India and the Indo-Pacific Discourse. New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis. Ed. by Harsh V. Pant. New Delhi: Cambridge University Press. P. 195-214.
25. Singh K.R. 1974. Politics of the Indian Ocean. New Delhi: Thomson Press Ltd. 252 p.
26. Singh K.R. 1978. The Indian Ocean: Big Power Presence and Local Response. New Delhi: South Asia Books. 336 p.
27. Steinberg Ph.E. 2001. The Social Construction of the Ocean. New York: Cambridge University Press, 2001. 239 p.
28. Vaidya K.B. 1949. The Naval Defence of India. Bombay: Thacker & Co. 248 p.
29. Vivekanandan B. 1974. Britain and the Indian Ocean. Indian Ocean Power Rivalry. Ed. by T.T. Poulouse. New Delhi: Young Asia. P. 24-31, 317 p.
30. Yapp M.A. 1987. British Perceptions of the Russian Threat to India. Modern Asian Studies. Vol. 21, No. 4. P. 647-665.

Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно

Куприянов Алексей Владимирович

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Анализируется трансформация политики Индии в отношении регионов Индийского океана и Индо-Тихоокеанского. Демонстрируется развитие императив индийских элит в отношении морской силы, рассматриваются военные, политические и экономические факторы, приведшие к созданию концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Автор полагает, что в настоящее время происходит изменение подходов индийского руководства к ИТР: Нью-Дели отказывается от амбициозных проектов в сфере безопасности за пределами региона Индийского океана, сохраняя при этом культурное и гуманитарное присутствие в Индо-Тихоокеанском.

Ключевые слова: Индия, Индийский океан, Индо-Тихоокеанский регион

Дата публикации: 06.09.2022

Ссылка для цитирования:

Куприянов А. В. Стратегические императивы Индии: от Индийского океана к ИТР и обратно // США & Канада: экономика – политика – культура. – 2022. – Выпуск № 8 С. 75-89 . URL: <https://usacanada.jes.su/s268667300021892-1-1/>. DOI: 10.31857/S2686673022080065